

К 195-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.Ф. ФЕДОРОВА ON THE 195th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF N.F. FEDOROV

УДК 80:1; 801.73
ББК 83.3; 87.3(2)

Наталья Николаевна Смирнова

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории литературы, Россия, Москва, e-mail: nnsmirnova@mail.ru. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6980-7353>

Зримое и телесное как невыразимое (Федоров – Толстой – Шестов – Розанов – Шкловский)¹

Аннотация. На рубеже XIX–XX веков и в первой трети XX века меняются конвенции литературности, поэтическое слово достигает пределов выразимого, «засловья», по выражению В. Шкловского. Утверждается, что эстетическая мысль в данный период развивается в значительной мере под влиянием творчества позднего Л.Н. Толстого, ищущего новый модус письма, кардинально пересмотревшего свой взгляд на единство, монолитность повествования. Показано, что взгляды Н.Ф. Федорова и Л.Н. Толстого на роль научного знания в значительной мере определяют картину мира в этот период. Доказывается положение о том, что осмысление пределов выразимого в искусстве отражает и стремление творящего запечатлеть свое личное присутствие в произведении как удостоверяющее его истинность и одновременно истинность сказанного в нем. В частности, выявлено, что Н.Ф. Федоров видит в тщательном прочтении книги и изучении системы взглядов ее автора начало пути к его телесному воскрешению, а Л.Н. Толстой связывает позицию художника, выражающего истину «для себя», с религиозным чувством. Отмечено, что зримое и телесное свидетельствуют об истине всеединства в концепции В.С. Соловьева. С другой стороны, личное присутствие (по Л. Шестову – «лицо автора») – способ противостоять «лжи» «изреченной» и опубликованной мысли. «Ложь» (по А.А. Потебне) опубликованного, выставленного напоказ подчеркивает и В.В. Розанов, противопоставляя «литературе» «рукописность души», творчество «для себя». В заключение формулируются выводы о единстве взглядов на природу искусства Толстого и Федорова, Шестова, Розанова и Шкловского.

Ключевые слова: влияние мысли Н.Ф. Федорова в XX в., творчество Л.Н. Толстого на рубеже XIX–XX вв., зримое и телесное у В.С. Соловьева, фрагментарно-афористическое письмо Л. Шестова и В.В. Розанова, В. Шкловский и формалисты, проблема выразимости в русской философии искусства и теории литературы первой трети XX в.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00450 «Целостность / фрагментарность: эстетика Л.Н. Толстого в философской критике и теории литературы первой трети XX в.» (<https://rscf.ru/project/23-28-00450/>). This paper was prepared with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00450 “Wholeness / Fragmentation: L. Tolstoy’s Aesthetics in Philosophical Criticism and Theory of Literature in the First Third of the 20th Century” (<https://rscf.ru/en/project/23-28-00450/>).

Natalia Nikolaevna Smirnova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Senior Researcher, Dept. Theory of Literature Russia, Moscow, e-mail: nnsmirnova@mail.ru. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6980-7353>

Visible and Physical as Unspeakable (Fedorov – Tolstoy – Shestov – Rozanov – Shklovsky)

Abstract. At the turn of the 19th–20th century and in the first third of the 20th century literary conventions changed, the poetic word reached the limits of the expressible. The article argues that aesthetic thought in this period is developing largely under the influence of L.N. Tolstoy's late period of work, when he radically revised his view of the unity and monolithic nature of narrative, testing a new mode of writing. On the other hand, it is shown that the views of N.F. Fedorov and L.N. Tolstoy's role of scientific knowledge largely determines the worldview during this period. The article proves the position that the limits of the expressible in art also correspond to the desire of the creator to image his personal presence in the work as evidence of its truth. In particular, it was revealed that N.F. Fedorov sees in a close reading of a book and studying system of views of its author the source of his bodily resurrection. L.N. Tolstoy expressed the search of truth "for himself" as religious feeling. The article shows that the visible and physical verify to the truth of absolute unity in the philosophy of V.S. Solovyov. Author's personal presence in his work (literally "author's face", according to L. Shestov) is a way to resist the "lie" (according to A.A. Potebnaya) of expressed and published thoughts. The lie also examined by V.V. Rozanov. He contrasted "literature" and "handwriting of the soul" as the work "for self". The conclusion emphasizes similarity of views on the nature of art from Tolstoy and Fedorov through Shestov and Rozanov to Shklovsky.

Key words: influence of N.F. Fedorov's thought in 20th century, L. Tolstoy's works at the turn of the 19th–20th centuries, visible and physical in the philosophy of V.S. Solovyov, fragmentary and aphoristic writing of L. Shestov and V.V. Rozanov, V. Shklovsky and Russian Formalists, 'expressible' in Russian philosophy of art and literary theory of the first third of the 20th century

DOI: 10.17588/2076-9210.2024.2.035-044

Стремление выразить невыразимое в рефлексии о целях искусства – попытки выйти за границы изреченного, изображенного, прочитанного и узнанного – имеет свою традицию в отечественной теоретической мысли². На рубеже XIX–XX веков и в первой трети XX века становится очевидным стремление к отходу от конвенций литературности, пересмотру представлений о творческом процессе³. Тиражируемость и общедоступность печатного слова,

² См.: Потебня А.А. Психология поэтического и прозаического мышления // Потебня А.А. Слово и миф / сост., подгот. текста, примеч. А.Л. Топоркова. М.: Правда, 1989. С. 201–235 [1].

³ Из недавних работ, показывающих разные стороны этих процессов см.: Гачева А.Г. В.Я. Брюсов, Н.Ф. Федоров и деятели Федоровианы 1900–1920-х годов: вопрос о смысле и целях искусства. Статья первая: О чем спорили Брюсов и Федоров в доме Ю.П. Бартечева // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 4(80). С. 113–131 [2]; Левченко Я. Послевкусие формализма. Пролиферация теории в текстах Виктора Шкловского 1930-х годов // Новое литературное обозрение. 2014. № 4. С. 125–143 [3]; Смирнова Н.Н. Фрагмент и незавершаемое произведение: замысел, чтение. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023 [4].

с одной стороны, и автоматизм его восприятия, с другой, становятся предметом рефлексии как в философии искусства, так и в литературе. Здесь содержится главный узел противоречий: зримость и общедоступность образа входят в конфликт со стремлением автора видеть его в своей исключительности и приватности, в пространстве личного и не выразимого вполне средствами языка. Отсюда поиск индивидуального языка творения с опорой на зримое и телесное образа как ключ к нему. Зримое и телесное персонифицируют сотворенное, указывая на его подлинность.

В этом русле развивается эстетическая мысль, в том числе, и под влиянием творчества позднего Л.Н. Толстого, кардинально пересмотревшего свой взгляд на единство, монолитность повествования, ищущего новый модус письма «вне всякой формы»⁴. И формалисты, следуя эстетической логике Толстого, справедливо полагали, что роман как жанр изживает себя, на смену приходят фрагментарно-афористические формы «мыслей» и «опытов»⁵. Вместе с романом из литературы уходит *душа* пишущего, рассуждение о которой теперь рассматривается как устаревший прием литературной критики⁶.

Подчеркнутый сциентизм нового направления науки о литературе, развиваемого формалистами, впрочем, явно расходился с пониманием роли науки у Н.Ф. Федорова и Л.Н. Толстого, считавших, что знание вовсе не индифферентно ни к целям его применения, ни к самой личности его использующего, что в итоге оно должно служить делу единения людей⁷. В искусстве же единение это обретается благодаря постижению значимости индивидуального бытия каждого, неустранимости его из непрерывной цепи бытия.

Зримое и телесное образа есть неизбежное проявление индивидуального бытия, соразмерного личности и душе. Из этого, к примеру, исходит Н.Ф. Федоров, видевший в тщательном прочтении книги и изучении системы взглядов ее автора начало пути к его телесному воскрешению.

Воссоздание зримого и телесного в русской философии рассматривалось

⁴ См.: Толстой Л.Н. Дневник 1909 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 57. Дневники и записные книжки 1909 г. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. С. 9 [5].

⁵ Надо полагать, этим объясняется «недосказанность» в текстах В. Шкловского об «остранении», как будто бы игнорирование традиции, идущей от «К самому себе» Марка Аврелия (см.: Гинзбург К. Остранение: Предыстория одного литературного приема / пер. С. Козлова // Новое литературное обозрение. 2006. № 4(80). С. 9–29 [6]).

⁶ См.: Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Пг.: 18-я Государственная типография, 1919. С. 161 [7]). См. также: Kaufman Andrew D. Understanding Tolstoy. Columbus: Ohio State University Press, 2011 [8]; Orwin Donna Tusing. Tolstoy's Art and Thought, 1847–1880. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993 [9]; Weir Justin. Leo Tolstoy and the Alibi of Narrative. New Haven, CT: Yale University Press, 2011 [10].

⁷ И личное – ключ к такому единению, что неоднократно подчеркивалось в традиции русской философии. См., в частности, недавние исследования: Матвеева И.Ю., Евлампиев И.И. Религиозное учение Л. Толстого и концепция личности Л. Карсавина // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 3(63). С. 150–161 [11]; Obolevitch, Teresa. Faith and Science in Russian Religious Thought. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 67–72 [12].

и как альтернатива творчеству, попыткам выразить невыразимое средствами языка. «Творить мы не можем, – утверждал философ, – а *воссоздавать сотворенное* не нами, но разрушенное нами или разрушившееся по нашему неведению или по нашей вине – *мы должны*, иначе мы не будем подобием Творца и все созданное должно погибнуть, разрушиться» [13, с. 77].

Но зримое и телесное станет таковым, только если будет в нем угадана и сохранена *душа*. Без нее, разумеется, телесное вновь таковым не станет. Душа запечатлена в слове, в книге. Литература с этой точки зрения не имеет самостоятельной ценности. Она важна лишь в той мере, в какой запечатленное в ней служит делу восстановления.

По мысли Федорова, библиотека есть стадия на пути к такому воссозданию: «для читающего она делается *душехранилищем*, ибо, читая, нельзя не представлять автора; читающий невольно рисует в своем воображении портрет его, слышит его голос, входит в его чувства и мысли; но все это делает ненамеренно, независимо от воли, только потому, что не может этого не делать, хотя чтение и не есть еще дело. Нужно же, повинувшись невольному влечению, поставить себе задачу восстановления, по произведению, по книге, ее творца, автора...» (курсив наш. – *Н.С.*) [14, с. 433].

Творение, книга, библиотека представляются с этой позиции *собранием душ человеческих*, истина сказанного слова удостоверяется не иначе, как зримым присутствием самого автора.

Об этом же говорил Лев Шестов в споре с Н.А. Бердяевым (хотя и не без некоторой иронии): «По прочтении книги нужно забыть не только все слова, но и все мысли автора и *только помнить его лицо*. Ведь слова и мысли только несовершенные средства общения. *Нельзя душу ни сфотографировать, ни нарисовать*, ну и обращаешься к слову. Давно известно, что мысль изреченная есть – ложь» (курсив наш. – *Н.С.*) [15, с. 238].

Очевидно, *ложь* не сводится теперь целиком к проблеме языка. Разумеется, шестовская *ложь* не равна *лжи*, о которой в свое время на примере знаменитого тютчевского *Silentium!* говорил Потебня. Но и его «ложь, потому что значение слова не передается»⁸, апеллирует к индивидуальному значению, единичному факту выражения конкретного явления в языке, остающемуся по ту сторону всякой общности. Кстати, именно это конкретное свойство лирического мира тютчевской поэзии открывает В.С. Соловьёв, когда говорит: «Он вполне и сознательно *верил* в то, что чувствовал, – ощущаемую им живую красоту принимал и понимал не как свою фантазию, а как истину» [16, с. 466]⁹. Истина поэтического слова противопоставляется здесь и фантазии, и поэтическому штампу, для которых одинаково безразлична подлинная одушевленность

⁸ См.: Потебня А.А. Психология поэтического и прозаического мышления. С. 231.

⁹ Вспомним также пушкинское: «Что такое поэзия? вещь ли это *настоящая?*» (см.: Пушкин А.С. В одной из Шекспировых комедий // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 514 [17]).

природы. Так и «телесная видимость человека»¹⁰, по Соловьеву, позволяет постичь истину его душевной организации в целостности, не препарировав ее на детали, равно как и постичь «нераздельную связанность»¹¹ человека с одушевленным миром. (Характерно, что здесь философ приводит пример неделимости в подлинном восприятии «человеческого лица с его выражением»¹²). Таким образом, зримое и телесное свидетельствуют об истине всеединства, которую не постичь просто с помощью «теоретического принципа»¹³.

Лев Шестов был очарован федоровской мыслью, его способностью «выслеживать судьбы отдельных людей»¹⁴, надо полагать, именно из-за отпечатка индивидуального в ней, протеста против категориального и типологизирующего. Шестов подчеркивал федоровскую *особость* в мышлении: «Странно тоже было, что он задумывался над вопросами, о которых никто не хочет думать» [19, с. 715]. Федоров определяет целое направление мысли, впоследствии через Шестова перешедшее во французский экзистенциализм.

К слову сказать, «лицо автора» для Шестова в той же мере экзистенциальный факт, что и экзистенциальная нагота слова – невыразимость индивидуального, единичного. Именно поэтому спор с Бердяевым о выразимости истины заканчивается апелляцией к лицу. Истина не безлична, утверждает Шестов. В шестовском *лице автора* предвосхищается экзистенциально-феноменологическая интуиция Эмманюэля Левинаса. И речь, которая в *предстоянии лица мне* «включает в себя другого»¹⁵ уже существует по ту сторону слова как форма выражения в традиции русской мысли.

Чувство предстояния лицом к лицу, как и предстояние человека миру, открытость ему, становится предметом рефлексии в знаменитом трактате Л.Н. Толстого «Что такое искусство?» (1897–1898 гг.). По мысли писателя, «религиозное сознание есть не что иное, как указание нового творящегося отношения человека к миру» [21, с. 86].

И напротив, отсутствие религиозного чувства связывалось им с выставлением напоказ, лишением приватности общения: «Вообще – не знаю отчего – нет у меня того *религиозного чувства*, к[оторое] было, когда прежде писал дневник *ни для кого*. – То, что его читали и могут читать, губит это чувство» (курсив наш. – Н.С.) [22, с. 154].

¹⁰ См.: Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 470.

¹¹ Там же. С. 469–471.

¹² Там же. С. 470.

¹³ Там же. С. 469.

¹⁴ «Какова же задача философии – исследовать ли смысл целого и искать во что бы то ни стало законченной теодицеи, по образцу Лейбница и других прославленных мудрецов, или выслеживать до конца судьбы отдельных людей, иными словами – задавать такие вопросы, которые исключают всякую возможность каких-либо осмысленных ответов?» (см.: Шестов Л. *Potestas Clavium* // Шестов Л. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 153 [18]).

¹⁵ См.: Левинас Э. Тотальность и бесконечное // Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 200 [20].

Это религиозное чувство – условие связывания, сцепления элементов художественного целого, по Толстому. Оно позволяет сделать акцент на эмоции, передающейся от личности к личности, столь важный в эстетике Толстого: «Искусство начинается тогда, когда человек с целью передать другим людям испытанное им чувство снова вызывает его в себе и известными внешними знаками выражает его» [21, с. 64].

Эти внешние знаки для Толстого не безличны, не безотносительны к тому, *кто* ими выражает свое чувство. Между автором и читателем возникает личный контакт. Зримое и телесное здесь целиком индивидуальны, поскольку акцент – на цели «передать другим людям испытанное им чувство».

Парадоксы выставления напоказ, лишения приватности общения автора и читателя были также и главной темой размышлений В.В. Розанова, который пытался вернуть в литературу «тон <...> манускриптов, “до Гутенберга”, для себя»: «Ведь в средних веках не писали для публики, потому что, прежде всего, не издавали. И средневековая литература во многих отношениях была прекрасна, сильна, трогательна и глубоко плодотворна в своей *невидности*. Новая литература до известной степени погибла в своей излишней видности .... Таким образом, “*рукописность*” души, врожденная и неодолимая, отнюдь не своевольная и не приобретенная, и дала мне тон “У.”, я думаю, совершенно новый за все века книгопечатания. Можно рассказать о себе очень позорные вещи – и все-таки рассказанное будет “печатным”; можно о себе выдумывать “ужасы” – а будет все-таки “литература”. *Предстояло устранить это опубликование*. И я, который наименее опубликовывался уже в печати, сделал еще шаг внутрь, спустился еще на ступень вниз против своей обычной “печати” (халат, штаны) – и очутился “как в бане нагишом”...» (курсив наш. – Н.С.) [23, с. 249, 250].

Нагота, о которой говорит Розанов, – предел телесности и выразимости в слове, достигаемый «устранением опубликования». Опубликование не цель, а то, что должно быть превзойдено в произведении, цель которого в возвращении к авторскому «для себя», «рукописности» и «невидности» его души, не выразимой и не воспроизводимой стандартными и тиражируемыми средствами¹⁶.

Обойти стороной это свойство творения, воссоздающего душу автора, не может даже Шкловский (как известно, во многом наследующий розановскую манеру письма), для которого смысл эволюции литературных форм заключался в смене приемов, попытках авторов заменить «узнавание» слова, образа (а значит, его «недоговоренность» и «недослушенность»¹⁷) «видением» и «деланием». По мысли Шкловского («Искусство как прием», 1917 г.), алгебраическое мышление, предельно общее, типологизирующее, должно быть заменено на индивидуаль-

¹⁶ Вероятно, это в какой-то степени близко к идее *ауры* у В. Беньямина, развиваемой им в «Произведении искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (см.: Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 190–234 [24]).

¹⁷ См.: Шкловский В. Искусство как прием // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Пг.: 18-я Государственная типография, 1919. С. 105 [25].

ное, по сути, данное в единичном сознании. Впрочем, Шкловский делает акцент не на индивидуальности видения, а на освобождении самой «вещи» от автоматизма восприятия¹⁸. Думается, во многом такой подход обусловлен попыткой избежать трафаретности, шаблонности, «автоматизма» самого представления о выражении души автора в произведении; именно поэтому Шкловский подходит к проблеме видения как бы с другой стороны, со стороны вещи, опираясь, как известно, на подсмотренное у Толстого: «Прием остранения у Л. Толстого состоит в том, что он не называет вещь ее именем, а описывает ее, как в первый раз виденную, а случай – как в первый раз произошедший...» [25, с. 106].

Пытаясь вернуть вещи в сознание (вслед за толстовской формулой «если целая сложная жизнь многих людей проходит бессознательно, то эта жизнь как бы не была»¹⁹), Шкловский воссоздает образы прошлого и настоящего – и даже саму теорию литературы, возникающую как эффект этих образов – из телесности и зримости событий. Так, в повествовании «Третьей фабрики» сопоставляются дневник, воспоминания, теоретический дискурс, полемика с коллегами, развитие новых научных идей. Это и повествование, и одновременно рефлексия по его поводу. Рассказывание становится возможным благодаря телесности его образов, укоренности идеи в жизни – детстве, семье, дружбе, перечитывании, пересказе бесед, воспоминании, писании письма, в бесконечном переосмыслении теоретических идей. Пытаясь избежать личного в рассмотрении движения литературных форм, необходимости говорить о выражении авторской души в произведении, Шкловский тем не менее сам выводит формулу *личного* в литературе. Она подчеркнута возникает из телесности опыта и языка (одна из глав книги носит характерное название: «Детство человека, который потом писал коротко»). Эта телесность коренится в индивидуальном опыте прошедшего через разломы событий – отсюда многочисленные всплывы воспоминаний, попытки сопоставить несопоставимое: опыт прошлого и насущные размышления о теории литературы («Я прикрепляю кусок теоретической работы. <...> Вещь и вся будет суха. Это кашель» [26, с. 7]). Личное видение возникает в сознательном усилии представить зримое как впервые увиденное. И в автобиографическом письме Шкловского²⁰, испытавшего, как известно, влияние Толстого, это качество мысли неустранимо.

---

¹⁸ «При таком алгебраическом методе мышления вещи берутся счетом и пространством, они не видятся нами, а узнаются по первым чертам. Вещь проходит мимо нас, как бы запакрованной, мы знаем, что она есть, по месту, которое она занимает, но видим только ее поверхность. Под влиянием такого восприятия вещь сохнет, сперва как восприятие, а потом это сказывается и на ее деланье; именно таким восприятием прозаического слова объясняется его недослушанность ..., а отсюда недоговоренность (отсюда все обмолвки). При процессе алгебраизации, обавтоматизации вещи, получается наибольшая экономия воспринимающих сил: вещи или даются одной только чертой своей, например номером, или выполняются как бы по формуле, даже не появляясь в сознании» [25, с. 105].

¹⁹ См.: Толстой Л.Н. Дневник 1897 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 53. Дневники и записные книжки 1895–1899. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953. С. 141–142.

²⁰ В котором формалистская теория распадается на «атомарные и зависимые от индивидуального стиля наброски» (см.: Левченко Я. Послевкусие формализма. Пролиферация теории в текстах Виктора Шкловского 1930-х годов // Новое литературное обозрение. 2014. № 4. С. 132).

В конце XIX – первой четверти XX века воссоздание зримого и телесного становится целью запечатления образа пишущего, его душевной организации, предстояния лицом к лицу другому и миру. Невыразимое как цель искусства – данное в индивидуальном видении и делании – должно быть пропущено через призму телесного существования, воссозданного через *душу* и *лицо* автора; при этом приемы этого воссоздания не могут быть формализованы и систематизированы²¹. Индивидуальное, нарушение системы и унификации есть самая суть искусства. Новый язык искусства возникает на границе невыразимого, удостоверяемого только зримым личным присутствием, и одновременно – приватного, индивидуального бытия. В этом, несмотря на все различия, единство взглядов на природу искусства рассмотренных выше мыслителей – от Толстого и Федорова через Шестова и Розанова к Шкловскому.

Список литературы

1. Потебня А.А. Психология поэтического и прозаического мышления // Потебня А.А. Слово и миф / сост., подгот. текста, примеч. А.Л. Топоркова. М.: Правда, 1989. С. 201–235.
2. Гачева А.Г. В.Я. Брюсов, Н.Ф. Федоров и деятели Федоровианы 1900–1920-х годов: вопрос о смысле и целях искусства. Статья первая: О чем спорили Брюсов и Федоров в доме Ю.П. Бартенева // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 4(80). С. 113–131.
3. Левченко Я. Послевкусие формализма. Пролиферация теории в текстах Виктора Шкловского 1930-х годов // Новое литературное обозрение. 2014. № 4. С. 125–143.
4. Смирнова Н.Н. Фрагмент и незавершенное произведение: замысел, чтение. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 288 с.
5. Толстой Л.Н. Дневник 1909 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 57. Дневники и записные книжки 1909 г. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. С. 3–196.
6. Гинзбург К. Остранение: Предыстория одного литературного приема / пер. С. Козлова // Новое литературное обозрение. 2006. Вып. 4(80). С. 9–29.
7. Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Пг.: 18-я Государственная типография, 1919. С. 151–165.
8. Kaufman Andrew D. Understanding Tolstoy. Columbus: Ohio State University Press, 2011. xiii. 322 p.
9. Orwin Donna Tussing. Tolstoy's Art and Thought, 1847–1880. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. 269 p.
10. Weir Justin. Leo Tolstoy and the Alibi of Narrative. New Haven, CT: Yale University Press, 2011. 294 p.
11. Матвеева И.Ю., Евлампиев И.И. Религиозное учение Л. Толстого и концепция личности Л. Карсавина // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 3(63). С. 150–161.
12. Obolevitch Teresa. Faith and Science in Russian Religious Thought. Oxford: Oxford University Press, 2019. 220 p.
13. Федоров Н.Ф. Творение и воссоздание // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 77.
14. Федоров Н.Ф. Дополнение к статье «Музей» // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 430–437.
15. Шестов Л. Похвала глупости // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 2. Томск: Водолей, 1996. С. 225–239.

²¹ См.: Шкловский В. Искусство как прием // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. С. 114.

16. Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 465–483.
17. Пушкин А.С. В одной из Шекспировых комедий // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 514.
18. Шестов Л. Potestas Clavium // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 17–312.
19. Шестов Л. Н.Ф. Федоров // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. / подгот. А.Г. Гачева и С.Г. Семенова. Кн. 1. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2004. С. 714–716.
20. Левинас Э. Тотальность и бесконечное // Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 66–288.
21. Толстой Л.Н. Что такое искусство? // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 30. Произведения 1882–1898. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1951. С. 27–203.
22. Толстой Л.Н. Дневник 1897 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 53. Дневники и записные книжки 1895–1899. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953. С. 129–174.
23. Розанов В.В. Опавшие листья // Розанов В.В. О себе и жизни своей. Уединенное. Смертное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 165–576.
24. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 190–231.
25. Шкловский В. Искусство как прием // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Пг.: 18-я Государственная типография, 1919. С. 101–114.
26. Шкловский В. Продолжаю // Шкловский В. Третья фабрика. М.: Артель писателей – «КРУГ», 1926. С. 7–9.

References

(Sources)

Collected Works

1. Fedorov, N.F. Tvorenie i vossozdavanie [Creation and Recreation], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy: v 4 t., t. 2* [Collected Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, p. 77.
2. Fedorov, N.F. Dopolnenie k stat'e «Muzey» [Addition to the article “Museum”], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy: v 4 t., t. 2* [Collected Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 430–437.
3. Pushkin, A.S. V odnoy iz Shekspirovykh komediy [In one of Shakespeare's comedies], in Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t., t. 7* [Collected Works in 10 vols., vol. 7]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958, p. 514.
4. Shestov, L. Potestas Clavium, in Shestov, L. *Sochineniya: v 2 t., t. 1* [Collected Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Nauka, 1993, pp. 17–312.
5. Shestov, L. Pokhvala Gluposti [The Praise of Folly], in Shestov, L. *Sochineniya: v 2 t., t. 2* [Collected Works in 2 vols., vol. 2]. Tomsk: Vodoley, 1996, pp. 225–238.
6. Solov'ev, V.S. Poeziya F.I. Tyutcheva [F.I. Tyutchev's Poetry], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1991, pp. 465–483.
7. Tolstoy, L.N. Chto takoe iskusstvo? [What is Art?], in Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t., t. 30. Proizvedeniya 1882–1898* [Collected Works in 90 vols., vol. 30]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1951, pp. 27–203.
8. Tolstoy, L.N. Dnevnik 1909 [Diary 1909], in Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t., t. 57. Dnevniki i zapisnye knizhki 1909 g.* [Collected Works in 90 vols., vol. 57. Diaries and notebooks of 1909]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1952, pp. 3–196.
9. Tolstoy, L.N. Dnevnik 1897 [Diary 1897], in Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t., t. 53. Dnevniki i zapisnye knizhki 1895–1899* [Collected Works in 90 vols., vol. 53]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1953, pp. 129–174.

Individual Works

10. Ben'yamin, W. Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti [The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction], in Ben'yamin, W. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya* [Doctrine of similarity. Media aesthetic works]. Moscow: RGGU, 2012, pp. 190–231.

11. Lévinas, E. Total'nost' i beskonechnoe [Totality and the Infinite], in Lévinas, E. *Izbrannoe: Total'nost' i beskonechnoe* [Works: Totality and the Infinite]. Moscow; Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga, 2000, pp. 66–288.

12. Potebnya, A.A. Psikhologiya poeticheskogo i prozaicheskogo myshleniya [Psychology of poetic and prosaic thinking], in Potebnya, A.A. *Slovo i mif* [Word and myth]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 201–235.

13. Rozanov, V.V. Opavshie list'ya [Fallen leaves], in Rozanov, V.V. *O sebe i zhizni svoey. Uedinennoe. Smertnoe. Opavshie list'ya. Apokalipsis nashego vremeni* [About yourself and your life. Secluded. Mortal. Fallen leaves. Apocalypse of our time]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1990, pp. 165–576.

14. Shestov, L. N.F. Fedorov, in N.F. Fedorov: *pro et contra. In 2 books, book 1*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2004, pp. 714–716.

15. Shklovskiy, V. Prodolzhayu [I continue], in Shklovskiy, V. *Tret'ya fabrika* [Third factory]. Moscow: Artel' pisateley – “KRUG”, 1926, pp. 7–9.

(Articles from Scientific Journals)

16. Gacheva, A.G. V.Ya. Bryusov, N.F. Fedorov i deyateli Fedoroviany 1900–1920-kh godov: vopros o smysle i tselyakh iskusstva. Stat'ya pervaya: O chem sporili Bryusov i Fedorov v dome Yu.P. Barteneva [V.Y. Bryusov, N.F. Fedorov and the Fedorovians of the 1900s-1920s: The Question of Meaning and Goals of Art Article one: What were Bryusov and Fedorov Arguing about in the House of Yu.P. Bartenev], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2023, issue 4(80), pp. 113–131.

17. Ginzburg, K. Ostranenie: Predystoriya odnogo literaturnogo priema [Ostranenie: The Background of a Literary Device], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2006, no. 4(80), pp. 9–29.

18. Levchenko, Ya. Poslevkusie formalizma. Proliferatsiya teorii v tekstakh Viktora Shklovskogo 1930-kh godov [Aftertaste of formalism. Proliferation of theory in the texts of Viktor Shklovsky in the 1930s], in *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2014, no. 4, pp. 125–143.

19. Matveeva, I.Yu., Evlampiev, I.I. Religioznoe uchenie L. Tolstogo i kontseptsiya lichnosti L. Karsavina [Religious doctrine of L. Tolstoy and L. Karsavin's concept of a personality], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2019, issue 3(63), pp. 150–161.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

20. Eykhenbaum, B.M. Kak sdelana «Shinel'» Gogolya [How Gogol's “Overcoat” was made], in *Poetika. Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka* [Poetry. Collections on the theory of poetic language]. Pg.: 18-ya Gosudarstvennaya tipografiya, 1919, pp. 151–165.

21. Shklovskiy, V. Iskusstvo kak priem [Art as a technique], in *Poetika. Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka* [Poetry. Collections on the theory of poetic language]. Saint-Petersburg: 18-ya Gosudarstvennaya tipografiya, 1919, pp. 101–114.

(Monographs)

22. Kaufman, Andrew D. Understanding Tolstoy. Columbus: Ohio State University Press, 2011, xiii, 322 p.

23. Obolevitch, Teresa. Faith and Science in Russian Religious Thought. Oxford: Oxford University Press, 2019. 220 p.

24. Orwin, Donna Tussing. Tolstoy's Art and Thought, 1847–1880. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. 269 p.

25. Smirnova N.N. *Fragment i nezavershaemoe proizvedenie: zamysel, chtenie* [Fragment and unfinished work: concept, reading]. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”, 2023. 288 p.

26. Weir, Justin. Leo Tolstoy and the Alibi of Narrative. New Haven, CT: Yale University Press, 2011. 294 p.